

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1'37

doi: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.138-153

КОНЦЕПТОСФЕРА РАССКАЗА И.А. БУНИНА «СВЯТЫЕ»

М.И. Кузьмина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, 603155, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию концептосферы рассказа И.А. Бунина «Святые» (1914) в ее связи с православно-христианской аксиологией. Актуальность исследования определяется устойчивым интересом современной лингвистики к изучению религиозной концептосферы и репрезентирующей ее лексики. Изучены средства экспликации православно-христианской семантики в художественном тексте. Рассмотрены ономастические единицы рассказа и их концептуальная значимость. В работе применена комплексная методика исследования, способствующая изучению языковой репрезентации значения концепта на основе сочетания различных методов и приемов анализа: метода концептуального анализа, метода компонентного анализа, метода сплошной выборки. Результатом исследования стала реконструкция концептосферы рассказа И.А. Бунина «Святые», которую организуют концепты *Святой, Спасение, Чудо, Страдание, Плач, Радость, Любовь, Тоска, Икона* и др. Сделаны частные выводы об отличительных чертах поэтики И.А. Бунина: концептуализации значений отдельных лексических единиц и усилении ценностной составляющей в их семантике в художественном тексте.

Ключевые слова: семантика языковых единиц, художественный текст, концепт, концептосфера, языковая картина мира писателя, И.А. Бунин, православная картина мира, имя собственное

Введение

Актуальность исследования определяется устойчивым интересом современной гуманитарной науки к изучению религиозной концептосферы и репрезентирующей ее лексики. Несмотря на большое количество работ по лингвокультурологии в отечественной лингвистике, открытым остается вопрос об особенностях функционирования христианских/православных концептов в русском художественном тексте. В связи с этим особый интерес для ученого представляют тексты И.А. Бунина. Художественное осмысление православия данным писателем представлено прежде всего в следующих рассказах: «Иоанн Рыдалец», «Худая трава», «Святые», «Веселый двор», «Аглая», «Лирник Родион» и др. Каждый текст раскрывает авторское видение ипостасей *Святости* и составляющих социокультурного феномена *Святая Русь*. Выбор рассказа «Святые» в качестве материала настоящего исследования обусловлен идейным своеобразием текста и возможностью выявить отношение автора к *Святости/Мученичеству* как явлению православной культуры.

Теоретическую базу настоящего исследования составили работы отечественных ученых по лингвоконцептологии: Ю.С. Степанова [1], Е.А. Огневой [2], Е. Колосовой, А. Мацкевич [3], В.И. Карасика [4]. Под концептом в настоящем исследовании традиционно понимается «слово или выражение, семантика которого отражает духовные смыслы о системе мироустройства и о системе ценностей отдельного этноса» [1, с. 47].

Следует отметить, что отличительной особенностью мирозерцания И.А. Бунина традиционно считается «смещение вер», соединение различных источников религиозной мысли; однако признается важнейшая роль христианства в его индивидуальной картине мира. Христианская составляющая мировоззрения И.А. Бунина достаточно подробно представлена в современной отечественной науке. Исследования христианских идей и христианской образности в рассказе «Святые» отражены в работах М.И. Добротворского [5], Т.И. Скрипниковой [6], В.Д. Агафоновой [7], Д. Михалева [8], О.А. Мещеряковой, М.Л. Зубцовой [9], А.А. Новиковой-Строгановой [10; 11], А. Лашкова [12] и др. Однако изучение художественного осмысления и художественной интерпретации писателем системы концептов православия остается актуальным. Целью настоящей статьи стало исследование концептосферы рассказа И.А. Бунина «Святые» (1914), связанной с православно-христианской аксиологией.

1. Материал и методы

«Святые» – классический святочный рассказ, «в котором представлены наиболее устойчивые элементы поэтики святочной словесности: зимняя календарная приуроченность, образы детей, мотивы смеха и плача, чуда, спасения, дара, христианская мораль и спасительный урок» [8; 10; 11]. В центре повествования – життя православных святых.

Объектом изучения являются отдельные концепты православия. Непосредственным предметом изучения выступают средства экспликации православно-христианской семантики в художественном тексте. Внимание уделяется ономастическим единицам и их значимости в концептосфере рассказа. Художественное мировидение и религиозное мироощущение И.А. Бунина в анализируемом тексте проявляются в сложной системе концептов и ономастическом материале. Особую эстетическую и символическую, концептуальную нагруженность приобретают слова, связанные с реализацией идей православия. Концептосферу данного рассказа организуют концепты *Святой, Спасение, Чудо, Страдание, Плач, Радость, Любовь, Тоска, Грех, Икона* и др.

В работе применена комплексная методика исследования: метод концептуального анализа имени собственного, метод компонентного анализа и полевой метод. Выбор языкового материала оказался «удачным» в плане исследования православной концептосферы в индивидуальной языковой картине мира писателя.

2. Результаты и их обсуждение

2.1. Концепт *Святой* в русской культуре и рассказе И.А. Бунина. Концептосферу рассказа составляет целый комплекс концептов, но доминирующим оказывается концепт *Святой*. Исследование этого концепта представлено в работах

В.Н. Топорова [13], Н.В. Шестеркиной [14], Е.А. Огневой [2], Н.М. Дмитриевой, О.А. Пороль [15], Е. Колосовой, А. Мацкевич [3] и др. Степень разработанности темы свидетельствует о том, что данный концепт является ключевым в русской лингвокультуре и христианском мировидении. В содержание концепта входят понятия *Бог, святость, праведность, вера, свет, духовность* [15, с. 55]. Традиционно концепт *Святой* признается воплощением всех положительных качеств христианина: праведности, духовной и нравственной непорочности, чистоты.

Функционирование концепта *Святой* в рассказе И.А. Бунина обусловлено его темой и идейным содержанием. Ключевая идея бунинского текста оказывается близка мыслям его современника, религиозного философа И.А. Ильина: «Русь именуется “святою” не потому, что в ней “нет” греха и порока; или что в ней “все” люди святые... Нет. Но потому что в ней живет глубокая, никогда не истощающаяся, а по греховности людской и не утоляющаяся жажда праведности, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, художественно отождествиться с ней, стать хотя бы слабым отблеском ее. <...> И в этой жажде праведности человек прав и свят при всей своей обыденной греховности» [16, с. 9–10].

Лексема *святые* вынесена в заглавие, в сильную позицию текста. Данная единица композиционно и семантически организует исследуемый рассказ, отсылает читателя к православной концептосфере. Она не является частотной (выявлено всего пять случаев функционирования), но оказывается семантически значимой и в результате ключевой. Достаточно вспомнить следующие микроконтексты: *святая воля Богоматери, апостолы святые, святые христиане, а вы будете святой?* (БС, с. 476–486)

Согласно лексикографическим источникам, «святой – это всякий раз явление спасения, милости Божией к людям, благодати, посылаемой Богом своему народу. <...> Святые – это наглядное обнаружение промысла Божиего о человеке. Разнообразие же подвигов, приводящих к святости, свидетельствует о многообразии промысла: каждый святой со своим особым житием демонстрирует свой путь к святости и выступает как образец этого пути» (КСАТ). Концепт *Святой* в православной языковой картине мира представлен субконцептами (ликами, типами святости): *Апостол, Равноапостольный, Преподобный, Пророк, Бессеребренник, Благоверный, Мученик, Юродивый (Блаженный), Праведный*.

В концептосфере рассказа И.А. Бунина актуализирован субконцепт *Мученик/Мученица*. Следует остановиться на лексикографических толкованиях данного понятия в русском языке. В лексикографических источниках разделяется светское и религиозное его понимание. В православной картине мира лексеме *мученик* соответствуют следующие значения: ‘наименование святого, подвергшегося мучениям за веру’ (ТСРЯ); ‘человек, принявший мучения и смерть за исповедание веры в Иисуса Христа’ (СЦТ); ‘тот, кто подвергается мучениям, страданиям’ (РСС); ‘канонизированный церковью святой, подвергшийся мучениям за веру’ (БАС). В светском представлении мученик – ‘человек, испытывающий физическую или нравственную боль, мучения’, ‘человек с тяжелой жизненной судьбой, терпящий много мучений, лишений’ (РСС). В русском языковом сознании концепт *Мученик/Мученица* вступает в устойчивые ассоциативно-семантические связи с концептом *Страдание*. Обращение к лексикографическим источникам

позволяет говорить о семантических признаках ‘свидетель, очевидец’, ‘мужество’ в содержании концепта *Мученик/Мученица* и понимании мученичества согласно христианской традиции как ‘способности свидетельствовать о Христе даже перед лицом смерти’ (АВ, КСАТ). Значение придавалось не столько мучениям, которые претерпевали мученики, сколько стойкости их *свидетельства* – исповедания христианства. Таково общеязыковое понимание концепта *Святой*.

2.2. Ономастикон рассказа «Святые» в его концептосфере. Ономастикон рассказа включает разные разряды имени собственного: антропоним, топоним, имя святого (агионим/агиоантропоним). Имена собственные вступают в рассказе в ассоциативно-семантические связи с концептами христианской культуры. Подобные связи участвуют в формировании общей оценки концепта *Святой* в языковой картине мира писателя.

Один из главных персонажей рассказа – *Арсенич*. Он рассказывает детям истории жизни двух святых. В организации образной системы находит отражение общеизвестная христианская мораль «*будьте как дети*». Открытость, простота, непосредственность являются общими характеристиками и Арсенича, и мальчиков Мити и Вади.

Временным ориентиром повествования являются *Святки*, но данное имя собственное прямо не называется в тексте, а имплицитно вводится в его ономастикон через контекст: *светлая морозная ночь / праздничные лампы / гости / веселая праздничная жизнь*. Рождественские Святки длятся с 7 по 17 января. Эортоним (имя праздника) *Святки* соотносится с глаголом *святить*: на Святки народ *святит*, то есть прославляет, Иисуса Христа и его Рождение. Лексемы *Святки* – *Святой* – *Иисус Христос* оказываются в одном ассоциативно-семантическом ряду.

В системе имен собственных выделяются прецедентные имена как маркеры интертекстуальности – агионимы *Господь/Бог, Иисус Христос / Спаситель, Богоматерь / Дева Мария* (БС, с. 480). Следует остановиться на включении в ономастикон рассказа имен *Елена, Вонифатий, Аглаида*. С данными персонажами связано переосмысление и частичное изменение данных из религиозных источников в исследуемом художественном тексте. Персонажи рассказа *Вонифатий* и *Аглаида* имеют прототипов. Это святой мученик Вонифатий Тарсийский и святая Аглаида. Можно говорить о почти точном совпадении житий данных святых с историями одноименных бунинских персонажей. Такие совпадения «создаются», в частности, и за счет введения в текст топонимов *Рим* и город *Тарс*. Прототип *Елены* установить сложно. В христианском антропонимиконе нет мученицы с таким именем, чья история жизни была бы похожа на историю героини бунинского рассказа.

Обратимся к особенностям функционирования имени собственного *Елена*. Показательно то, что данный персонаж в рассказе наделяется двумя разными именами, приобретающими символическое значение, – *Елена* и *Адель*. Имя *Адель* героиня носит только в своей греховной жизни: «...Называлась промеж господ Адель» (БС, с. 479). Можно говорить о семантической нагруженности этого имени благодаря его французскому происхождению. В тексте значение

онима *Адель* приобретает дополнительные коннотации: ‘чужеродность’, ‘отторжение от русской культуры’.

Имя *Елена* в рассказе употребляется в разных контекстах с вторичными номинациями-апеллятивами (*блудница и мученица, вечная печалица, Елена-страдалица, великая грешница*). Двойственность образа выражена в употреблении в одном контексте антонимичных вторичных номинаций *блудница* и *мученица*, иллюстрирующих путь от грешницы до святой.

Имя *Елена* традиционно и прецедентно в русском женском ономастиконе, имеет устойчивые положительные коннотации в русской лингвокультуре: *Елена Прекрасная, Елена Премудрая*. Красота – отличительный атрибутивный признак данного персонажа, но красота внешняя, физическая. Этимология данного имени связана с семантическим комплексом ‘свет’, ‘светлая’, ‘сверкающая’, ‘избранная’ (СРЛИ, с. 489). В русской культуре концепты *Святой* и *Свет* вступают в устойчивые синонимические отношения [14].

В тексте рассказа выявлены ассоциативно-семантические связи имени *Елена* и Девы Марии. Обе страдают от любви: одна – из-за любви к мужчине, другая – из-за любви к Сыну: «Она сама (Богоматерь. – М.К.) за свою любовь к кресту скорбеть¹ пошла» (БС, с. 480). В концептуальное поле рассказа таким образом входят взаимосвязанные концепты *Любовь, Страдание, Терпение*.

В результате анализа системы имен собственных в рассказе И.А. Бунина можно утверждать, что рассмотренные нами онимы являются репрезентативными единицами макроконцепта *Святой*.

2.3. Концепты *Тоска* и *Святость* в рассказе «Святые». С образом *Елены* в рассказе связан еще один концепт – *Тоска*. Для данного персонажа показательна динамика эмоциональных состояний. В начале рассказа Елена в речи Арсенича наделяется такой постоянной характеристикой, как бесчувственность, через сравнительную конструкцию (*бесчувственна, как Ниоба*). *Ниоба* – мифологический персонаж: она оскорбила древнегреческую богиню Лето, хвастаясь своими многочисленными детьми, и была наказана их гибелью – дети были убиты богами, а Ниоба окаменела. Именно «каменное сердце» легло в основу бунинского сравнения. В этом же контексте появляется и *Тоска*, причем образ усиливается эпитетом *вечная-бесконечная*, использованием лексического повтора лексемы *тоска*, функционированием в экспрессивной конструкции восклицательного предложения: «Бесчувственна, как Ниоба, ни к кому не питала привязчивости: была у нее вечная-бесконечная тоска на душе. Такая-с тоска, что и сказать невозможно!» (БС, с. 479). Третий раз лексема *тоска* употребляется в составе метафоры: «Меня тоска съела, ненавижу всех, зреть не могу...» (БС, с. 480). К этим эмоциональным состояниям добавляется ненависть в отношении мужчин, которые приходят к Елене.

Тоска в лингвокультурологии признается национальным, этномаркированным концептом ([1; 17–19] и др.). В православной культуре концепт *Тоска* является важным сложным эмоциональным состоянием, предшествующим духовному изменению и последующему перерождению человека. Согласно утверждению Л.В. Чесноковой, феномен *Тоски* заключается в ее амбивалентной природе:

¹ Здесь и далее **подчеркивание наше.** М.К.

«...Она происходит из физиологического ощущения тесноты, сдавленности – дарит духовную свободу, связана с ощущением душевной пустоты – и наполняет смыслом человеческое бытие, угрожает падением в бездну отчаяния – и направляет к высшим ценностям» [17, с. 199]. В православной этике переживание состояния *Тоски* и страданий, связанных с ней, свидетельствует о существовании каких-то духовных проблем. Она становится пограничным состоянием, переходом-освобождением от обыденного через религиозные и творческие поиски. Это и происходит с Еленой. Она проходит непростой путь, через любовь и страдания получает прощение и даже высшую награду – причисление к сонму святых.

2.4. Концепт *Любовь* в рассказе «Святые». *Любовь* является общечеловеческой универсалией и одним из ключевых концептов языковой культуры. В современной филологии данный концепт исследован довольно подробно ([20; 21] и др.). В православной картине мира концепт *Любовь* предполагает единство двух видов любви – Божественной и человеческой. «Любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 7–8). Две христианские заповеди содержат главные этические принципы, связанные с любовью: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22: 36–40).

Концепт *Любовь* в рассказе И.А. Бунина представлен в нескольких семантических инвариантах/субконцептах. С образом Елены в тексте связаны прежде всего *Плотская любовь*, *Любовь женщины к мужчине*, *Материнская любовь*, *Любовь к ближнему*. Зарабатывая на жизнь собственной красотой и занимаясь проституцией, Елена тяготится своей жизнью. Она встречает молодого графа и впервые узнает, что такое настоящая любовь. До этой встречи она ни к кому не испытывает даже привязанности. Но в рассказе «Святые» любовь мужчины и женщины, как всегда у И.А. Бунина, трагична. Молодой граф разорен. И хотя он полюбил Елену, жизни дальше без денег он не представляет: «И порешили они тут же умереть одной смертью в один час и даже миг» (БС, с. 480). Они принимают яд. Елена чудом остается жива, а граф умирает. Анализ текста позволяет выявить оппозицию *Смерть – Жизнь*. С образом Елены связаны следующие концепты: *Любовь к мужчине*, *Жертва во имя Любви / Жертвенность*, *Страдание*: после смерти графа Елена «в лице изменилась, исхудела, стала еще прекраснее прежнего и совсем отвратилась... от бездушной светской жизни и... уж ни за какие блага в мире не соглашалась предать свое тело, полюбивши одного до гробовой доски» (БС, с. 480).

Следует обратить внимание на то, что концепты образуют в тексте зоны «сгущения», когда в кульминационные моменты повествования резко увеличивается их актуализация в малых контекстах. Чудесное спасение Елены от отравления в тексте непосредственно связано с Божественным решением: «Да господь-то, видно, не по-ихнему судил! Может, на то вон ее святая воля была, – сказал Арсенич... указывая... на богоматерь» (БС, с. 480). В данном микроконтексте в одном семантическом ряду оказываются концепты *Господь*, *Богоматерь*, *Святая воля*.

Любовь к мужчине и смерть любимого человека приводят героиню к отказу от блудодеяния и изменению ее эмоционального состояния: у нее появляется желание замолить свои грехи и спастись. Она отказывается от стяжательства (отдает все свои драгоценности первому встречному пастуху) и уходит послушницей в монастырь. В концептосферу рассказа входит константа *Радость* от возможности изменить свою жизнь и заслужить прощение грехов: «Плачет горькими слезами... конечно, уж от радости, что вырвалась, значит, на волю, под голубые небеса» (БС, с. 481).

По отношению к образу Елены концепт *Любовь* в рассказе вступает в устойчивые ассоциативно-семантические связи с концептами *Страдание* и *Спасение*. Без любви и страдания невозможно было бы спасение души: «...Осталась она еще жить на белом свете, чтобы... пострадать и награду получить за свою первую и последнюю любовь...» (БС, с. 480). В результате синтагматических связей со словами *пострадать* и *награда* лексическая единица *любовь* приобретает семы 'боль', 'спасение'. Лексема *награда* в речевой зоне *Арсенича* оказывается синонимической заменой понятийных комплексов «спасение души» и «признание Елены святой».

Любовь к мужчине приводит Елену к материнству. Система концептов в тексте дополняется субконцептом *Материнская любовь*. Местом страдания и местом спасения становится лес. В христианской культуре *лес* часто связан с именами святых, избравших путем постижения Бога и путем спасения аскезу и лесную жизнь. Елена оказывается в лесу не по своей воле. Там она проводит свои последние дни, переживает смерть ребенка, а главное – чудесное преображение и спасение.

Содержание субконцепта *Любовь к ближнему* предполагает «глубокое межличностное чувство, основанное на уважении, понимании и доверии, реализующееся в виде заботы, помощи, дружбы, и неотъемлемой частью которого является сострадание и искренность» [20, с. 215]. В рассказе «Святые» данный субконцепт обозначен в связи с разными персонажами: Вонифатием, Арсеничем, детскими образами. Например, Арсенич сопереживает судьбе далеких от него во времени людей, относясь к ним как к родным и близким. Вонифатий расстается с жизнью из-за сострадания мучениям христиан. Но способности истинной любви к ближнему, основанной на сострадании, оказываются лишены монахини монастыря, изгоняющие Елену из-за ее грехопадения. В связи с образами монахинь и Елены в тексте актуализируется бинарная оппозиция *Милосердие – Жестокость*.

2.5. Концепты *Икона*, *Чудо* и *Спасение* в рассказе «Святые». В концептосфере рассказа важным оказывается концепт *Икона*. Его репрезентантами в тексте являются иконимы. Композицию рассказа организуют образ Николая-угодника и икона Девы Марии «*Всех скорбящих Радость*», почитаемая Русской православной церковью чудотворной. Для христианского сознания *икона* стала символом Божественной благодати, явлением, наполняющим сердце радостью. Так, Елена берет с собой образ Николая-угодника и уходит в монастырь после смерти возлюбленного. Этот образ – подарок ее матери, материнское благословение. Елена плачет от радости принятого решения и возможности изменить свою жизнь. Это начало ее пути к спасению души и к святости.

В имени иконы Богоматери проявляется взаимосвязь двух концептов – *Страдание* и *Радость*, так же связаны и два образа в рассказе – Девы Марии и Елены. Старый монах-художник решает списать с Елены образ Царицы небесной. Окончательное духовное перерождение Елены происходит именно через икону «*Всех скорбящих Радость*»: акцентируется внешнее сходство с Девой Марией. Имя иконы вводит в концептосферу рассказа софийный комплекс. Исследователи отмечают, что «непременными спутниками радости в общеязыковых сочинительных рядах являются *покой* ‘состояние душевной гармонии’, *утешение* и *благодать*; *вера*, *надежда*, *любовь*, а также *истина*, *красота*, *добро*» [22, с. 152]. В номинации иконы семантическими признаками лексемы *радость* благодаря синтагматическим связям оказываются семы ‘утешение’, ‘поддержка’, ‘помощь’.

Одним из значимых компонентов религиозной картины мира может быть назван концепт *Чудо*. Это, «по религиозным и мифологическим представлениям: сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божьей силы» [4, с. 26]; «знак божественного вмешательства в обычную жизнь» [4, с. 32]. Описание чудес является необходимым структурным элементом житийного жанра. Лексема *чудо* в речевой зоне Арсенича получает дополнительные оценочные атрибутивные характеристики – *внезапное* и *великое*.

В тексте рассказа концепт *Чудо* реализуется трижды в связи с образом Елены. Первая ситуация – чудо скорби и плача лесных животных и птиц по поводу смерти от голода и холода Елены и ее младенца: «И что же тут случилось, какое внезапное чудо! Звери, птицы и те возрыдали, восскорбели о ней, и такой вихорь поднялся по лесу, что в самую ночь-полночь проснулась вся обитель от такого шуму» (БС, с. 482). В канонических житиях часто встречается ситуация особых отношений святого и животных. Однако в бунинском тексте, когда Елена вынуждена жить в лесу, дикие животные и птицы не служат ей. В связи с этим отдельные исследователи неправомерно видят в рассказе авторскую иронию [5], а не особое отношение православного человека к описываемому. Но в рассказе концепт *Чудо* вербализован в тексте и через звуки божественного голоса в лесу (глас Бога). Это вторая ситуация проявления чуда. Этот голос слышит монах-художник и зовет в свидетели монахинь обители, изгнавших Елену, как только раскрылась тайна ее беременности. Голос повелевает идти в лес. Третья ситуация проявления чуда, указывающая на святость Елены, – огненный венец над головой уже мертвой Елены. Арсенич считает грешную Елену святой. Это обусловлено главной идеей христианства – силой любви: «Апостолы-то святые нам наказывали: ...великое, несметное множество грехов прикрывает любовь!» (БС, с. 483). В бунинском тексте семантическая структура концепта *Святой* получает индивидуально-авторское наполнение: святым человек может быть признан не только за чистоту духа и тела. Данная номинация возможна как награда через искупительную силу страданий, безропотность их принятия и переживание страданий через любовь, а также через искреннее желание спастись. Такое понимание святости связано не только с образом Елены, но и с Аглаидой и Вонифатием, которые тоже хотели спастись от греха.

2.6. Концепты *Страдание* и *Смерть / Смерть во Христе* в рассказе «Святые». В концептосфере рассказа значимым оказывается концепт *Страдание*. Данное понятие является «фундаментальным концептом христианства, смысл которого сводится к отречению от себя, отказу от собственной воли и устремленности человека ко Христу» [23, с. 169]. В словаре В.И. Даля *страдать* – значит ‘биться, бороться, бедовать, мучиться, маяться’, производное от *страда* ‘работа, нужда’ (ТСД). Функционирование данного концепта обусловлено идеей текста и субконцептом *Мученик/Мученица* как компонента концепта *Святой*. Репрезентативными единицами концепта *Страдание* в тексте являются лексемы *казнь, казнили, пытка, пострадать, мученица, мученики, великомученик, мучить, лютейшие муки, страдалица, мечное сечение*. В содержании концепта необходимо выделить такое приращение смысла, как ‘боль’. Употребление лексемы *пострадать* отмечено троекратным повтором. В православной этике страдание приобретает концептуальный смысл смерти за стойкость и последовательность собственных религиозных убеждений, способности свидетельствовать о Христе, не боясь смерти (КСАТ).

В тексте И.А. Бунина этот мотив выявляется по отношению к *Вонифатию*. Этот персонаж в традиционном смысле может быть назван мучеником. В связи с данным образом концепт *Святой* вступает в устойчивые ассоциативно-семантические связи не только с концептом *Страдание*, но и с концептом *Сострадание*. В индивидуально-авторской концептосфере выявлены ассоциативно-семантические связи концептов *Святой* и *Страстность*. Следует отметить, что *страстность* в контексте может быть определена как ‘внезапный сильный эмоциональный порыв’. Концепт *Страстность* вербализован через лексему *кураж* в сильной позиции текста (БС, с. 486). В содержании концепта через синтагматические связи формируются признаки ‘смелость’, ‘мужество’, ‘импульсивность’. Аглаида, возлюбленная Вонифатия, отправляет его в город Тарс за святыми мощами, чтобы освятить их дом и затем повенчаться, искупить грех блудодеяния. Там, в чужом городе, он становится свидетелем казни святых христиан и «возвсселился духом за имя господне» и принял смерть во имя Господа: «...Хочу и я пострадать за спасителя! <...> Знать ничего не хочу, недостойны вы меня склонить, прельстить – проклиная ваших мраморных богов, секите мне голову» (БС, с. 485).

Концепт *Страдание* связан и с Еленой. Ее мучительная смерть оценивается Арсеничем именно как казнь, «только не мечом, не пыткой, а хуже того...» (БС, с. 479). Елена переживает смерть любимого человека, испытывает страдания в результате изгнания ее из монастыря. Она терпит одиночество, голод, холод, страдания собственного ребенка. Для Елены содержание концепта *Страдание* составляют физические и духовные мучения ради спасения души. Для Вонифатия страдания – насильственная смерть, принятая им сознательно во имя Бога, но решение «пострадать за Господа» можно считать внезапным и страстным.

Оба персонажа (Елена и Вонифатий) грешники. Объединяющим для них оказывается не только грех блудодеяния, плотская любовь, но и путь спасения души, путь к Богу через любовь как духовное чувство и переживаемые ими страдания.

2.7. Концепты *Плач/Слёзы* и *Радость* в рассказе «Святые». В православной системе ценностей и концептосфере рассказа немаловажную роль играет

концепт *Слёзы/Плач*. Важнейшим элементом истинной молитвы у монахов считался «дар слёз», потому что они – дар Божий. Можно говорить об интертекстуальных связях текста И.А. Бунина и Евангелия, о художественной интерпретации одной из заповедей блаженства: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4). Лексема *слёзы* в контексте приобретает положительную коннотацию и в ее значении актуализируются признаки ‘чистота’/‘очищение’, ‘святость’.

Слёзный дар выступает отличительной чертой главного персонажа – Арсенича, оценивается им самим как нечто особое, исключительное: «Мне господь не по заслугам великий дар дал. Этого дару старцы валаамские только при великой древности, да и то не все, домогаются. Это прелестный дар – слёзный дар называется» (БС, с. 483–484). Репрезентативными единицами концепта *Плач/Слёзы* в тексте оказываются лексемы *плакал / сладко плакал, слёзы / горькие слёзы / горячие слёзы, великий дар, прелестный дар, слёзный дар* (БС, с. 477–478, 483–484, 486).

В тексте И.А. Бунина концепты *Плач/Слёзы* и *Радость* вступают в устойчивые ассоциативно-семантические связи. Персонажи часто плачут от радости. Антонимичные понятия «сталкиваются» в одном контексте: например, *грустно-радостные глаза* Арсенича (БС, с. 484). В другом контексте Арсенич «в какой-то радостной задумчивости плакал горькими слезами, не стирая крупных капель, катившихся по носу» (БС, с. 477); см. также: «Очень я расстроился нонче, раздумавшись об этой Елене, вечной печальнице, а потом вспомнил, например, великомученика Вонифатия – и залился в три реки от радости!» (БС, с. 484). *Елена* «идет... и плачет горькими слезами, не хуже меня [Арсенича] такого-то – конечно, уж от радости, что вырвалась, значит, на волю...» (БС, с. 481). Согласно утверждению С.С. Аверинцева, «в мире, искупленном страданиями Богочеловека, нельзя разделить слёзы и радость» [24, с. 230].

Уникальность концепта *Радость* неоднократно подчеркивалась в работах А.Б. Пеньковского [22], В.И. Красавского [25], К.В. Шмугурова [26] и др. В православии *Радость* – важная аксиологема. Христианская идея Радости неразрывно связана с Богообщением. Духовная радость возможна только при соотносении человека с Богом, является особым постоянным внутренним эмоциональным состоянием верующего и обусловлена неизменностью Божественного бытия.

Тесные ассоциативно-семантические связи концептов *Слёзы* и *Радость* вводят в концептосферу рассказа сложный эмотивный концепт православия – *Умиление*. Он включается в текст имплицитно и не имеет материального выражения. В православной традиции под *умилением* понимается «христианская добродетель, сердечное сокрушение, связанное с сожалением о грехах и смирением; нежное, радостное, теплое чувство благоговения перед Богом, Его святыми или святынями; внутреннее состояние, обусловленное проявлением этого чувства; дар Божий, особое Божественное посещение человеческой души, наполняющее ее сокрушением и неизреченной любовью к Богу и ближнему» (АВ). Концепт *Умиление* в первую очередь связан с образом Арсенича. В рассказе Арсенич отказывается от номинации его святым. На вопрос, заданный Митей («А вы будете святой?»), он отвечает: «...Какой вы грех великий говорите! Да я, как пес какой, округ господ весь век свековал, дня одного страдания не знал! За что же награждать-то меня?» (БС, с. 483). Образ данного персонажа дополняется

атрибутивной характеристикой 'самоуничужение'. Индивидуально-авторское наполнение концепта *Святой* – 'получивший награду за страдания'.

Заключение

Проведенный анализ реализации православных концептов в рассказе «Святые» дает представление о значимости данных категорий для художественного осмысления действительности И.А. Буниным. В настоящем исследовании осуществлялась попытка проследить, как христианские концепты интерпретируются и вводятся в семантическую структуру светского художественного текста, выявить их семантическое наполнение в тексте рассказа.

Концептосфера рассказа как сложная система взаимосвязанных лингвокультурных концептов представлена константами, важными для религиозного сознания. Среди них наиболее концептуально значимыми оказываются *Святой, Спасение, Чудо, Страдание, Плач, Радость, Любовь, Тоска, Икона*.

Высокая концентрация концептов православия в сравнительно малом текстовом объеме позволяет говорить об их значимости в языковой картине мира писателя и свидетельствует о лингвокультурной ценности как концептов, актуализированных в тексте, так и отдельных православных идей.

Способы вербализации концептов в художественном тексте И.А. Бунина разнообразны: расширение семантического объема слова, бинарные оппозиции, актуализация ассоциативных связей, сравнительные конструкции.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00310.

Источники

- Мф. 5:1–12 – Заповеди блаженства / Евангелие от Матфея // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Междунар. изд. центр православной лит., 1994. – С. 1011–1053.
- 1 Ин. 4:7 – 8 – Первое Послание Иоанна, Гл. 4, ст. 7 // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Междунар. изд. центр православной лит., 1994. – С. 1218–1222.
- БС – Бунин И.А. Святые // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1987. – Т. 3. Повести и рассказы 1907–1914. – С. 476–486.
- КСАТ – Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. – М.: Гнозис, 1994. – 112 с. – URL: <https://azbyka.ru/svyatost-kratkij-slovar-agiograficheskix-terminov#n36>, свободный.
- СРЛИ – Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. – М.: Школа-Пресс, 1995. – с. 736.
- РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2007. – Т. IV: Глагол. Глаголы с ослабленной знаменательностью: глаголы-связки и полужнаменательные глаголы, глаголы фазовые, глаголы модальные, глаголы связей, отношений и именования. Дейктические глаголы. Бытийные глаголы. Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния. – 924 с.

- БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Гл. ред. В.И. Чернышев. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935 – 1940. – URL: <https://znachenie-slova.ru>, свободный.
- СЦТ – *Покровский Д.* Словарь церковных терминов. – Sharon, Massachusetts: Izograph Studio, 2002. – 168 с. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/kratkij-slovar-pravoslavnyh-terminov-pokrovskij/180>, свободный.
- ТСД – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-s/2314>, свободный.
- АВ – Азбука веры. Православный словарь от А до Я. – URL: <https://azbyka.ru/mucheniki>, свободный.

Литература

1. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
2. *Огнева Е.А.* Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. – М.: Эдитус, 2013. – 282 с.
3. *Колосова Е., Мацкевич А.* Семантические преобразования концепта ‘святой’ в русском языке // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica. – 2016. – № 13. – С. 37–43.
4. *Карасик В.И.* Концептуализация чуда // Поволж. пед. вестн. – 2017. – Т. 5, № 3. – С. 25–33.
5. *Добротворский М.И.* Идея русской святости и бунинские святые // Русское Возрождение. – 1981. – № 16. – URL: http://ricolor.org/arhiv/russkoe_vozrojdenie/1981/10/, свободный.
6. *Скрипникова Т.И.* Образы святых в творчестве И.А. Бунина // Творчество И.А. Бунина и философско-художественные искания на рубеже XX – XXI веков: Материалы Международ. науч. конф., посвящ. 135-летию со дня рожд. писателя / Науч. ред. Н.В. Борисова. – Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2006. – С. 110–116.
7. *Агафонова В.Д.* Библейско-христианская проблематика в творчестве И.А.Бунина: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 144 с.
8. *Михалев Д.* Русский поэт и скиталец И.А. Бунин // Газета «Спас». – 2016. – № 5. – URL: <http://www.ubrus.org/newspaper-spas-article/?id=1497>, свободный.
9. *Мещерякова О.А., Зубцова М.Л.* Перцептивная лексика в рассказах И.С. Тургенева «Живые мощи» и И.А. Бунина «Святые» // И.А. Бунин: от века XX к веку XXI: Материалы юбил. Всерос. (с междунар.м участием) науч. конф. – Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2018. – С. 165–173.
10. *Новикова-Строганова А.А.* Христианский мир И.А. Бунина (очерк жизни и творчества И.А. Бунина). – URL: <http://oroik.by/xristianskij-mir-i-a-bunina/>, свободный.
11. *Новикова-Строганова А.А.* Святость и святки в рассказах Ивана Бунина – URL: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/content/svyatost-i-svyatki-v-rasskazah-ivana-bunina>, свободный.
12. *Лашков А.* (протоиерей). «Есть нечто большее даже России. Это – мой Бог и моя душа». К 150-летию Ивана Алексеевича Бунина. – URL: <https://pravoslavie.ru/134814.html>, свободный.

13. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1: Первый век христианства на Руси. – М.: Гнозис, Школа «Языки русской культуры», 1995 – 875 с.
14. *Шестеркина Н.В.* Соотношение концептов ‘светлый’ – ‘святой’ в русском языке // *Linguamobilis*. – 2010. – № 3. – С. 103–108.
15. *Дмитриева Н.М., Пороль О.А.* Особенности вербализации концепта «Святость» в церковнославянском и древнерусском языках: этический аспект // *Вестн. Оренбург. гос. ун-та*. – 2016. – № 1. – С. 53–58.
16. *Ильин И.А.* «Богомолье» И.С. Шмелёва // Шмелёв И.С. Богомолье. – М.: Православное слово, 1997. – С. 9–10.
17. *Чеснокова Л.В.* Тоска как национальный концепт русской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 9, Ч. 1. – С. 195–200.
18. *Красавский Н.А.* Концепт «Тоска» в русской лингвокультуре // *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. – 2009. – № 7. – С. 20–23.
19. *Димитрова Е.В.* Тоска // *Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина*. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. —С. 268–273.
20. *Кузнецова Л.Э.* Любовь // *Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина*. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 3 – С. 200–216.
21. *Скляревская Г.Н.* Концепт «Любовь» в христианском понимании: попытка лексикографического описания (предварительные заметки) // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст.* – М.: МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С. 104–112.
22. *Пеньковский А.Б.* Радость и удовольствие в представлении русского языка // *Логический анализ языка: Культурные концепты*. – М.: Наука, 1991. – С. 148–155.
23. *Бардыкова И.В.* Языческие и христианские представления о страдании в русской культуре // *Науч. ведомости*. – 2007. – № 2. – С. 169–174.
24. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. – М: Coda, 1997. – 343 с.
25. *Красавский Н.А.* Концепт «Радость» в русской лингвокультуре (на материале словарных статей и ассоциативного словаря) // *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. – 2010. – № 5. – С. 4–7.
26. *Шмугурова К.В.* Концепты *Тоска* и *Радость* в художественной картине мира (на материале лирики И.А. Бунина, Ф. Сологуба, И.Ф. Анненского): Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2011. – 216 с.

Поступила в редакцию
13.09.2021

Кузьмина Маргарита Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, д. 31а, г. Нижний Новгород, 603155, Россия
E-mail: kuzmina-margarita.2015@yandex.ru

The Conceptual Framework of I.A. Bunin’s Short Story “The Saints”

M.I. Kuzmina

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, 603155 Russia
E-mail: *kuzmina-margarita.2015@yandex.ru*

Received September 13, 2021

Abstract

The conceptual framework of I.A. Bunin’s short story “The Saints” (1914) was analyzed with regard to its connection with the Orthodox axiology. The relevance of the paper is determined by the steady interest of modern linguistics in the study of the religious conceptual framework and its representative vocabulary. The means of Orthodox semantics explication in the literary text were analyzed. The onomastic units of the story and their conceptual significance were considered. The paper uses a complex research methodology that enables a comprehensive study of the linguistic representation of the meaning of the concept: the method of conceptual analysis, the method of component analysis, the method of continuous sampling. As a result of the study, the conceptual framework of I. A. Bunin’s story “The Saints” was reconstructed. It was revealed that the conceptual framework of this story is based on the following concepts: *saint, salvation, miracle, suffering, crying, joy, love, longing, icon*, etc. Particular conclusions were made about the distinctive features of I.A. Bunin’s poetics: the conceptualization and strengthening of the value component of the meanings of individual lexical units in the literary text. The ways used by I.A. Bunin to shape the meaning of concepts in the literary text were determined: the expansion of the semantic volume of the word, binary oppositions, associative connections with different concepts, comparative constructions. The study can be helpful in special courses on cultural linguistics, as well as on the problems of studying the writer’s linguistic worldview.

Keywords: semantics of language units, artistic text, concept, conceptual framework, writer’s linguistic worldview, I.A. Bunin, Orthodox worldview, proper name

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-012-00310).

References

1. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar’ russkoi kul’tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Shk. “Yazyki Russ. Kul’t.”, 1997, 824 p. (In Russian)
2. Ogneva E.A. *Kognitivnoe modelirovanie kontseptosfery khudozhestvennogo teksta* [Cognitive Modelling of the Conceptual Framework of a Literary Text]. Moscow, Editus, 2013. 282 p. (In Russian)
3. Kolosova E., Matskevich A. Semantic transformations of the concept “saint” in the Russian language. *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica*, 2016, no. 13, pp. 37–43. (In Russian)
4. Karasik V.I. Conceptualizing a miracle. *Povolzhskii Pedagogicheskii Vestnik*, 2017, vol. 5, no. 3, pp. 25–33. (In Russian)
5. Dobrotvorskii M.I. The idea of Russian holiness and the Bunin saints. *Russkoe Vozrozhdenie*, 1981, no. 16. Available at: http://ricolor.org/arhiv/russkoe_vozrozhdenie/1981/10/. (In Russian)
6. Skripnikova T.I. The images of saints in I.A. Bunin’s works. *Tvorchestvo I.A. Bunina i filosofsko-khudozhestvennye iskaniya na rubezhe XX – XXI vekov: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoi 135-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya* [I.A. Bunin’s Works and Philosophical

- and Artistic Strivings at the Turn of the 20th–21st Centuries]. Borisova N.V. (Ed.). Yelets, Eletsksii Gos. Univ. im. I.A. Bunina, 2006, pp. 110–116. (In Russian)
7. Agafonova V.D. Biblical-Christian problems in the works of I.A. Bunin. *Cand. Philol. Diss.* Moscow, 2009. 144 p. (In Russian)
 8. Mikhalev D. I.A. Bunin, a Russian poet and wanderer. “*Spas*” *Newspaper*, no. 5. Available at: <http://www.ubrus.org/newspaper-spas-article/?id=1497>. (In Russian)
 9. Meshcheryakova O.A., Zubtsova M.L. Perceptual vocabulary in the stories “Living Relic” by I.S. Turgenev and “The Saints” by I.A. Bunin. *I.A. Bunin: ot veka XX k veku XXI: materialy yubileinoi vseros. (s mezhdunarodnym uchastiem) nauch. konf.* [I.A. Bunin: From the 20th to 21st Century: Proc. Jubilee All-Russ. (with Int. Participation) Sci. Conf.]. Yelets, Eletsksii Gos. Univ. im. I.A. Bunina, 2018, pp. 165–173. (In Russian)
 10. Novikova-Stroganova A.A. The Christian world of I.A. Bunin (an essay on the life and work of I.A. Bunin). Available at: <http://oroik.by/xristianskij-mir-i-a-bunina/>. (In Russian)
 11. Novikova-Stroganova A.A. Holiness and Christmastide in Ivan Bunin’s stories. Available at: <http://xn--80alhdjhdchxy5hl.xn--p1ai/content/svyatost-i-svyatki-v-rasskazah-ivana-bunina>. (In Russian)
 12. Lashkov A. (protoiereus). There is something more than Russia. This is my God and my soul. On the 150th birth anniversary of Ivan Alekseevich Bunin. Available at: <https://pravoslavie.ru/134814.html>. (In Russian)
 13. Toporov V.N. *Svyatost’ i svyatye v russkoi dukhovnoi kul’ture* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture]. Vol. 1: The first century of Christianity in Rus’. Moscow, Gnozis, Shk. “Yazyki Russ. Kul’t.”, 1995. 875 p. (In Russian)
 14. Shesterkina N.V. The relationship of the concepts “light” – “holy” in the Russian language. *Lingua Mobilis*, 2010, no. 3, pp. 103–108. (In Russian)
 15. Dmitrieva N.M., Porol’ O.A. Verbalization of the concept “holiness” in the Church Slavonic and Old Russian languages: An ethical aspect. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2016, no. 1, pp. 53–58. (In Russian)
 16. Il’in I.A. “The Pilgrimage” by I.S. Shmelev. In: Shmelev I.S. *Bogomol’ e* [The Pilgrimage]. Moscow, Pravoslavnoe Slovo, 1997, pp. 9–10. (In Russian)
 17. Chesnokova L.V. Longing as a national concept of Russian culture. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul’turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2012, no. 9, pt.1, pp. 195–200. (In Russian)
 18. Krasavskii N.A. The concept “longing” in Russian linguoculture. *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2009, no. 7, pp. 20–23. (In Russian)
 19. Dimitrova E.V. Longing. In: *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Karasik V.I., Sternin I.A. (Eds.). Vol. 1. Volgograd, Paradigma, 2005, pp. 268–273. (In Russian)
 20. Kuznetsova L.E. Love. In: *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Karasik V.I., Sternin I.A. (Eds.). Vol. 3. Volgograd, Paradigma, 2005, pp. 200–216. (In Russian)
 21. Sklyarevskaya G.N. The concept “love” in the Christian sense: A lexicographic description (preliminary notes). In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. st.* [Language, Consciousness, and Communication: A Collection of Articles]. Moscow, MAKS Press, 2013, no. 46, pp. 104–112. (In Russian)
 22. Pen’kovskii A.B. The joy and pleasure in presentation of the Russian language. In: *Logicheskii analiz yazyka: Kul’turnye kontsepty* [Logical Analysis of Language: Cultural Concepts]. Moscow, Nauka, 1991, pp. 148–155. (In Russian)
 23. Bardykova I.V. Pagan and Christian ideas about suffering in Russian culture. *Nauchnye Vedomosti*, 2007, no. 2, pp. 169–174. (In Russian)
 24. Averintsev S.S. *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of the Early Byzantine Literature]. Moscow, Coda, 1997. 343 p. (In Russian)
 25. Krasavskii N.A. The concept “joy” in Russian linguoculture (based on the dictionary entries and an associative dictionary). *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2010, no. 5, pp. 4–7. (In Russian)

26. Shmugurova K.V. Concepts of *longing* and *joy* in the artistic worldview (based on the material of I.A. Bunin, F. Sologub, I.F. Annensky's lyrics). Cand. Philol. Diss. Novosibirsk, 2011. 216 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Кузьмина М.И. Концептосфера рассказа И.А. Бунина «Святыя» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 4–5. – С. 138–153. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.138-153. ⟩

⟨ **For citation:** Kuzmina M.I. The conceptual framework of I.A. Bunin's short story "The Saints". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 4–5, pp. 138–153. doi: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.138-153. (In Russian) ⟩